

КНИГИ СОТРУДНИКОВ «ЛР»

9

«Литературная Россия» — писательская газета. На наших страницах публикуются произведения профессиональных литераторов, статьи о прозаиках, поэтах, публицистах. Но и в самой редакции работают тоже писатели, члены творческого союза. Однако об их книгах еженедельник никогда не говорил, хотя, если вспомнить отечественные литературные издания прошлого века, то в их традициях было замечать работы не только своих авторов, но и сотрудников. Увы, из ложной скромности мы так и не откликнулись на наших страницах на заслуживающие внимания и доброго слова первую книгу прозы Вячеслава Сухнева, поэтические сборники Юрия Гусинского, Юрия Ложица и Глеба Кузьмина, книги Святослава Рыбаса, Николая Соловьева, Евгения Некрасова, Георгия Долгова, Александра Фоменко, Любови Миронихиной и других, как бывших, так и ныне работающих сотрудников «ЛР». Поэтому мы решили ввести новую рубрику, которую открываем рецензией на одну из последних книг редактора отдела критики Ивана Панкеева. Понимаем, что рубрика не сможет появляться слишком часто. И все же желаем ей регулярности.

Редколлегия «ЛР»

ЛЮБИТЬ И ПОМНИТЬ

Новая серия издательства «Просвещение» «Школьникам — о современных советских писателях» открывается книгой Ивана Панкеева «Валентин Распутин». Перед автором стояли сложные проблемы, об одной из которых он упоминает в предисловии: «Начиная говорить о всемирно известном человеке, большом мастере слова, творчеству которого посвящено немало статей и монографий, всегда поначалу опасаясь в чем-то повторить предшественников»...

Помимо этого, необходимо было «вписаться» в относительно небольшой объем издания, сказав о многом: совместить сведения о жизненном пути писателя с анализом его творчества, не забывая о доступности и ясности изложения, разумеется, вовсе не означающих нарочитую упрощенность.

Все это, впрочем, теперь уже решенные вопросы, и читатель получил книгу, в свою очередь ставшую перед ним задачей внимательного прочтения.

Очевидно, что жизнь и творчество каждого писателя диктуют и метод (и даже манеру, стиль) исследования, предполагая и глубокое знание темы, и определенную адекватность мышления. (Монография о Джойсе, допустим, будет наверняка тягостнее к «Улисс», а о В. Белове — к «Ладу»...)

И. Панкеев выстраивает логически последовательную композицию, позволяющую во всей полноте отразить становление, развитие и нравственно-художественные поиски Валентина Распутина, писателя и человека, неотделимых друг от друга и творчески, и духовно.

Трудное военное детство, полуголодные школьные годы, учеба в университете, занятия журналистикой и, наконец, переход к художественной литературе — на этих жизненных вехах автор останавливает наш взгляд, подчеркивая, что уже в первых рассказах В. Распутина «тема памяти, непрерывности» была одной из важнейших. «В этих рассказах она только начинается, чтобы потом поразить нас своею философской глубиной, истинной высотой и истинным величием в «Прощании с Матёрой».

И. А. Панкеев. «Валентин Распутин. По страницам произведений». Издательство «Просвещение». 1990. 144 стр.

И. Панкеев подробно анализирует произведения, принесшие сибирскому прозаiku всеобщую, а после и мировую славу, начиная с повести «Деньги для Марии», где «именно распутинское и ничье больше... проросло явно, сильно, упруго, чтобы затем утвердиться в последующих повестях: человек и люди, бытие и быт, материальное и духовное, жестокость и милосердие, добро и зло».

От внимания критика не ускользает, кажется, ни одна деталь из сложной символики распутинской прозы. Так возникает не просто профессионально-хладнокровная оценка, но самостоятельный образ-определение, точно раскрывающий писательский замысел, относится ли это к персонажам произведений либо к состоянию природы. Как пишет И. Панкеев, в «Деньгах для Марии» природа «не только оттеняет движение души героя, но и продолжает его, словно выводя за пределы самого человека и распространяя на весь окружающий мир, который не может быть покойным, если значительнейшая часть его — человек — в смуте, надломе...». Ветер в этой же повести — «символ надчеловеческого протеста», и «он не зря безумствует именно в момент расставания

супругов», ибо для Марии отъезд мужа «стал последней точкой в трехдневном периоде разубеждения в людской общности, и ветру предстоит теперь слишком многое смести с плодородной ранее почвы душ героев».

Столь же исчерпывающе и точно анализируется повесть «Последний срок», главная, по слову В. Распутина, его книга. Проникаясь вслед за писателем одной из «основных тем всей мировой литературы» — темой жизни и смерти, — критик отмечает, что «именно Распутину, как, может быть, никому до него, удалось философски осмыслить» образы русских старух с их спокойным отношением к смерти, «воспринимаемых автором как важнейшее звено в цепи поколений».

Характерный для нашей эпохи конфликт, отображаемый В. Распутиным, это не только видимый на поверхности разрыв между поколениями, но их духовная несовместимость, разрушающая единство народа. И. Панкеев отмечает, что если Анна, предвидя кончину, «ждала детей, чувствуя настоятельную внутреннюю потребность благословить их на дальнейший путь по жизни», то дети стремились только «исполнить внешний долг».

Даже неискушенный читатель, вероятно, обнаружит единомыслие писателя и его исследователя, тем более плодотворное, что множество авторских отступлений и выводов, органично сочетаемых с прозой В. Распутина, вместе с тем выходят за рамки обычного литературно-критического очерка.

Вот, к примеру, одно из таких глубоко продуманных рассуждений: «Никому не дано знать в точности, что ощущает умирающий человек, кроме него самого, но это знание вместе с ним и уходит навсегда. Однако о самой смерти... в определенном возрасте человек начинает задумываться всерьез, ибо она — одна из основных составляющих духовно-нравственного сознания. Что она — возмездие или избавление? И в таком случае — за что и от чего?»

На том же заданном высоком уровне анализируются и вызвавшая в свое время возражения и споры повесть «Живи и помни», и трудное подчас для восприятия «Прощание с Матёрой», и трагическое его продолжение — «Пожар», и публицистика последних лет, где В. Распутин обращается к обществу уже напрямую, от первого лица, минуя художественные образы и сюжеты.

Но можно ли назвать его публицистом, задается вопросом критик, «в том общепринятом смысле слова, которое мы привычно применяем, например, к Ивану Васильеву?» Нет, конечно, ибо, «читая наполненные конкретикой статьи В. Распутина, мы воспринимаем его все-таки как художника... Писательская публицистика — это все же нечто иное, хотя бы в силу своего общественного резонанса. Распутин — вынужденный публицист, но вынужденность эта — не вымученность, а невозможность молчать...». Но при этом он не только говорит, не только доискивается до причин грядущих потрясений, но и «старается найти и лекарство, и противоядие, новые пути, найти и указать».

Художник и публицист, проповедник и патриот слиты в Распутине воедино — нравственным законом жизни, любовью к идеалам и святыням Родины. И если книга И. Панкеева заставит читателей задуматься об истинных духовных ценностях, — а это, думается, произойдет, — то большей награды критику пожелать невозможно.

Е. ОВАНЕСЯН